

Социальная структура, социальные институты и процессы

Научная статья

УДК 316.334.56+614.1

doi:10.25742/NRIPH.2024.01.015

Потребление наркотиков в Москве: опыт социологической оценки

Игнат Викторович Богдан^{1✉}, Максим Дмитриевич Горносталев²,
Владимир Александрович Кузьменков³, Татьяна Александровна Потяева⁴,
Дарья Павловна Чистякова⁵

^{1–3, 5}Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы, Российская Федерация, 115088, г. Москва, ул.
Шарикоподшипниковская, д. 9;

⁴Уполномоченный по правам человека в г. Москве, Российская Федерация, 127006, Москва, Успенский пер.,
д. 14, стр. 1.

¹BogdanIV@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

²GornostalevMD@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0989-5077>

³KuzmenkovVA@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9872-1417>

⁴info@ombudsman.mos.ru

⁵chistyakovadp@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

Аннотация. Государственный антинаркотический комитет характеризует наркоситуацию в Москве как «нейтральную», однако анализ статистической информации свидетельствует о росте смертности от злоупотребления наркотиками. С целью комплексной диагностики проблемы и анализа её факторов авторами проведено эмпирическое социологическое исследование по репрезентативной выборке (N=1002). Отношение к употребляющим наркотики у населения в целом характеризуется страхом и дистанцией, люди поддерживают более жесткие меры. Опыт употребления наркотиков, хотя бы разовый, выше в среде мужчин молодого и среднего возраста, чаще всего — сотрудников частных компаний. Главная причина вовлечения в наркоманию — влияние коллектива друзей, коллег или родственников. Дана оценка группы наркотического риска с точки зрения социального вовлечения. Среди возможных причин распространения наркотиков москвичи называют криминал, социально-психологические проблемы и влияние массовой культуры. Сформулированы направления работы по противодействию наркотизации.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, Москва, наркомания, потребление наркотиков, правоохранительные органы, психоактивные вещества, смертность.

Для цитирования: Богдан И. В., Горносталев М. Д., Кузьменков В. А., Потяева Т. А., Чистякова Д. П. Потребление наркотиков в Москве: опыт социологической оценки // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2024. № 1. С. 102—108. doi:10.25742/NRIPH.2024.01.015.

Social structure, social institutions and processes

Original article

Drug Use in Moscow: A Sociological Assessment

Ignat V. Bogdan^{1✉}, Maksim D. Gornostalev², Vladimir A. Kuzmenkov³, Tatyana A. Potyaeva⁴, Darya P. Chistyakova⁵

^{1–3, 5}Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Russian Federation, Moscow, 115088, 9 Sharikopodshipnikovskaya St.;

⁴Ombudsman for Human Rights in Moscow, Russian Federation, Moscow, 127006, Uspenskiy lane, 14, bld. 1

¹BogdanIV@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

²GornostalevMD@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0989-5077>

³KuzmenkovVA@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9872-1417>

⁴info@ombudsman.mos.ru

⁵chistyakovadp@zdrav.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

Annotation. The State Anti-Drug Committee describes the drug situation in Moscow as «neutral», however statistics data show a rise in drug-related mortality. The authors conducted an empirical sociological study on a representative sample (N=1002) in order to fully ana-

lyze the issue and its factors. Fear and distancing define attitudes toward drug users in general, and people support harsher measures. Young and middle-aged men, who are frequently employees of private companies, are more likely to have used drugs at least once. The influence of friends, coworkers, or relatives is the primary cause of drug involvement. The study assessed the drug risk group based on social factors. Muscovites list criminal activity, social and psychological issues, mass culture's influence as potential causes of the drugs spreading. The study presents guidelines for the anti-drug addiction strategies.

Key words: anti-drug policy, Moscow, drug addiction, drug use, law enforcement agencies, psychoactive substances, mortality.

For citation: Bogdan I. V., Gornostalev M. D., Kuzmenkov V. A., Potyaeva T. A., Chistyakova D. P. Drug Use in Moscow: A Sociological Assessment. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2024;(1):102–108. (In Russ.). doi:10.25742/NRIPH.2024.01.015.

Введение

Государственный антинаркотический комитет определяет наркоситуацию в Российской Федерации в целом как «нейтральную», исчисляя общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, в 388,4 тыс. человек¹. Аналогично характеризуется и ситуация в Москве. В городе, по официальным данным, отмечены позитивные изменения²; как по криминологическим, так и собственно медицинским показателям, столица не принадлежит к числу регионов с высокой наркотизацией населения. Однако детальный анализ показывает наличие определённых статистических парадоксов.

Так, за последние 10 лет число зарегистрированных москвичей с диагнозом «наркотическая зависимость» сократилось, но смертность от причин, вызванных наркотиками, увеличилась (рис. 1). Объяснение может заключаться в росте числа потребителей психоактивных веществ (ПАВ), которые попадают в поле зрения медицинских служб только после смерти. Таким образом, часть наркозависимых находятся вне системы официального учёта и «попадают» в ней только как умершие.

Кроме того, немалое число случаев смертности от наркотиков с 2015—2016 гг. может маркироваться как смертность от «неуточнённой кардиомиопатии» [1, с. 48; 2, с. 326], что также искажает статисти-

ческие данные. При пересчёте показателей по смертности от наркотических отравлений Москва может иметь низкую позицию по этому показателю среди регионов [2, с. 326]. Существенное влияние на наркотизацию москвичей оказала и пандемия коронавируса [3].

Актуальность проблеме добавляет то, что для столицы велики риски наркотизации в силу коммерческой привлекательности рынка. В контексте реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года³, которая предусматривает существенное улучшение наркоситуации в стране, видится необходимым интенсифицировать работу по, во-первых, совершенствованию методологии подсчёта числа наркозависимых, во-вторых, превенции наркомании среди москвичей.

Материалы и методы

Цель исследования — выявление представлений москвичей (в целом) о потреблении психоактивных веществ. В рамках поставленной цели была произведена также оценка мотивации и факторов вовлечения в наркопотребление, структура и особенности использования ПАВ.

Эмпирическое социологическое исследование проводилось в период с 11 октября по 19 октября 2022 года среди москвичей 18 лет и старше, постоянно проживающих в столице. Опрос проведён с

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году (выдержка) [Электронный ресурс]. Государственный антинаркотический комитет. <https://media.mvd.ru/files/embed/4498892>

² Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году (выдержка) [Электронный ресурс]. Государственный антинаркотический комитет. <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467>

³ Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». Подписан 23 ноября 2020 года, № 733 [Электронный ресурс]. Сайт «Президент России». <http://kremlin.ru/acts/news/64480>

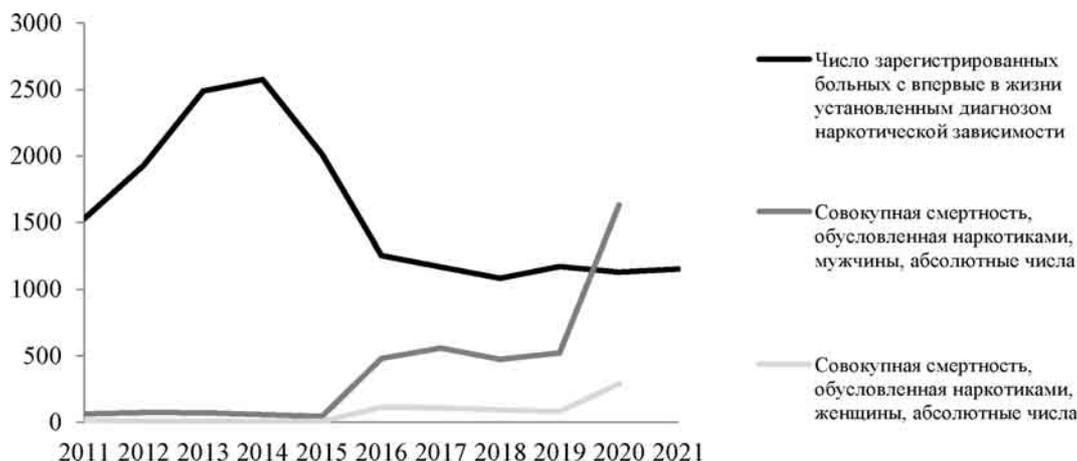

Рис. 1. Смертность, обусловленная наркотиками, в Москве (график построен по статистическим данным Центра медицинской статистики НИИОЗММ ДЗМ и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)).

использованием случайной двухосновной стратифицированной выборки московских мобильных и стационарных телефонов (САТИ). Такой дизайн выборки способствовал обеспечению её репрезентативности.

Респонденты опрашивались по анкете, состоявшей из двух версий. Первая, сокращенная версия, изучала отношение к употреблению наркотиков в целом, по второй версии анкеты опрашивались только респонденты, которые указали, что они лично или через окружение сталкивались с проблемой потребления наркотиков. В целом было опрошено 1002 жителя города Москвы. Характеристика выборки: мужчины — 44,3%, женщины — 55,7%. Распределение по возрастным диапазонам: 18—34 года — 23,4%, 35—49 лет — 30,2%, 50—64 года — 24,4%, 65 лет и старше — 22,1%. Оценка максимальной ошибки выборки составляет $\pm 3,09\%$ ($CI=95\%$). Пропорции, представленные в выборке, совпадают с данными Росстата по Москве с точки зрения половозрастного состава жителей столицы (с учетом допустимой погрешности).

По техническим причинам число опрошенных по второй части анкеты ($N=309$) несколько меньше (на 85 респондентов) тех, кто должен был быть по ней опрошен ($N=394$). При этом, опрошенные представляют собой случайную выборку из массива тех, кто должен был быть опрошен, что позволяет рассматривать проценты (не абсолютные значения) для данной подвыборки ($N=309$) как валидные ($\pm 2,59\%$, $CI=95\%$) и в отношении всех опрошенных по расширенной версии анкеты ($N=394$).

С одной стороны, необходимо подчеркнуть, что исследование является социологическим, оно основывается на самоотчетах людей, которые могут быть подвержены когнитивным искажениям или эффекту социальной желательности (который можно предполагать выраженным для такой достаточно табуированной темы как наркопотребление). С другой стороны, имеющиеся альтернативные методы оценки ряда приводимых в исследовании параметров, такие как оценка по криминальной или медицинской статистике, также не учитывают проблематику во всей её полноте и не охватывают значительную часть вопросов (например, по причине того, что значительная часть людей в эту статистику по тем или иным причинам не попадает) и не могут считаться эталоном с точки зрения объективности. Таким образом, социологические данные имеют полное право быть рассмотренными наряду с данными «более объективной» статистики в рамках всестороннего анализа темы.

Анализ данных производился с помощью IBM SPSS Statistics версии 26.0, использовались критерий χ -квадрат, z -тест, доверительный интервал во всех случаях определён на уровне 95%. Проверка статистических критериев (связей, сравнения долей) производилась на невзвешенных данных.

Результаты

При использовании открытых вопросов, подразумевающих свободные ассоциативные ответы, бы-

ло выявлено, что образ наркомании связан у большинства респондентов с необходимостью её лечения, в том числе принудительного (730, $73\pm 1,4\%$), и изоляции наркозависимых (189, $19\pm 1,2\%$). Необходимость реабилитации отмечается более чем в 20 раз реже. Предпосылками наркотизации респонденты видят личные качества человека, в первую очередь, это «слабость» — духовная, волевая (660, $66\pm 1,5\%$). И только 16 ($2\pm 0,4\%$) респондентов давали сочувствующие комментарии об «оступившихся» людях, которым надо посочувствовать.

С целью изучения социального восприятия потребления наркотиков респондентам был предложен выбор из ряда высказываний, которые отражают возможные противоречия в общественном мнении по вопросам отношения к потреблению наркотических веществ (рис. 2).

Никогда не употребляли наркотики, по их словам, 780 опрошенных респондентов ($78\pm 1,3\%$). Ключевая причина отказа от потребления наркотиков — это отсутствие желания их приема (580, $74\pm 1,6\%$), 197 человек ($25\pm 1,6\%$) пугает зависимость, значительное количество — потеря уважения близких (117, $15\pm 1,3\%$), ранняя смерть (116, $15\pm 1,3\%$) и опасность сопутствующих заболеваний (112, $14\pm 1,3\%$, рис.3).

Количество респондентов, заявивших о наличии личного опыта потребления наркотических средств хотя бы раз в жизни составляет 212 человек ($21\pm 1,3\%$), чаще это мужчины (133, $63\pm 3,3\%$, $p \leq 0,001$) и лица до 50 лет ($159, 30\pm 2\%$ $p \leq 0,001$).

Результаты исследования демонстрируют различные форматы первого потребления наркотиков. Основной — это отдых с друзьями и коллегами, который отличается по локации: «в гостях у друзей, знакомых» (25, $26\pm 4,4\%$), «на природе, за городом» (19, $20\pm 4\%$), «на улице, во дворе или подъезде» (19, $19\pm 3,9\%$). Как видно, первый приём наркотиков часто связан с организованной досуговой деятельностью в дружеском коллективе. Подтверждает это и то, что самое большое представительство в выборке имеют друзья (121, $39\pm 2,8\%$) как группа тех, кто чаще всего сталкивался с проблемами употребления наркотиков. Второе место занимает вариант «другое», включающий знакомых (их следует отличать от друзей), детей, разных родственников.

Количество респондентов, которые считают, что лично или через свое окружение сталкивались с проблемой потребления наркотиков, составляет 394 ($39\pm 1,5\%$).

309 респондентам, признавшимся, что они лично или через собственное окружение сталкивались с наркоманией (см. методические замечания в соответствующем разделе), дополнительно задавался вопрос о причинах употребления наркотиков. Доминирование варианта «за компанию» (185, $65\pm 2,8\%$) подтверждает важную роль коллективного времяпровождения в процессе вовлечения в употребление наркотиков. Также для данных респондентов употребление наркотиков вызывало любопытство (166, $58\pm 2,8\%$), производилось ради получения удо-

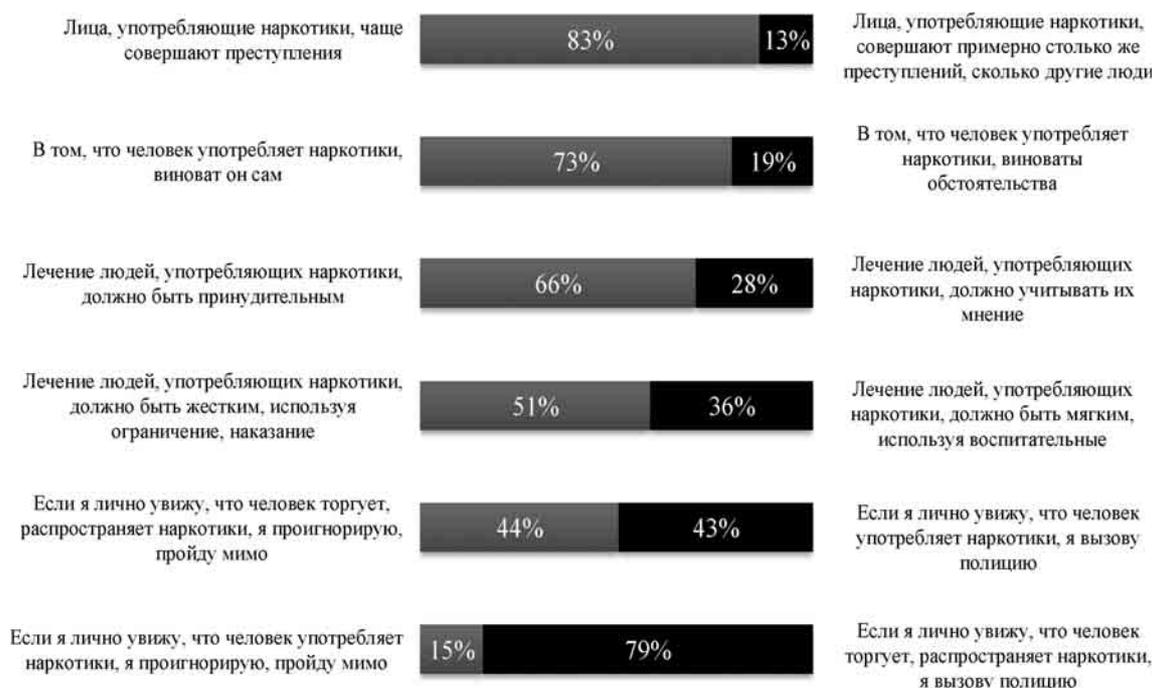

Рис. 2. Отношение к различным высказываниям о потреблении наркотиков. Вопрос задавался всем респондентам (N=1002). На рисунке исключен вариант ответа «Затрудняюсь ответить».

вольствия (144, 50±2,8%) и снятия психологического напряжения (80, 28±2,5%).

Исследование свидетельствует о не критичности лиц, употребляющих наркотики. Те, кто испытывал проблемы с ПАВ, достаточно хорошо (4,4 балла из 5) оценивают отношения с близкими людьми. Примерно та же ситуация наблюдается и в самооценке здоровья, оно преимущественно оценивается такими лицами как хорошее, реже — как удовлетворительное, и только каждый четвертый говорит о слабом здоровье.

Опрос показывает преимущественное распространение в декларируемом опыте респондентов и их окружения растительных, «лёгких» наркотиков, таких как каннабиноиды (84, 27±2,5%), чуть меньше распространены синтетические наркотики и стимуляторы (72, 23±2,4%) и опиоиды (66, 21±2,3%).

Основной фактор употребления определенных групп наркотиков — их доступность (130, 40±2,7%), т. е. дешевизна, отсутствие регулирования (не запрещён в стране, в которой был употреблен), наличие именно такого наркотика в компании. Опасение также вызывают представления о лёгкости и безвредности определённых типов наркотиков (5%), также отмечалось существование моды на наркотики (4%).

Возвращаясь к восприятию общества в целом, причины употребления наркотических средств, по мнению москвичей, отображены на рисунке 4.

Мнение москвичей по поводу эффективности мер по борьбе с употреблением наркотиков представлено в та-

блице 1. Респонденты оценили среднюю остроту проблемы употребления наркотиков в Москве на 6,29 балла из 10. При этом в оценке изменения наркоситуации в столице преобладает скорее негативный настрой: 197 (20±1,3%) находят позитивные сдвиги, 560 (56±1,4%) уверены, что изменений к лучшему нет, остальные — негативисты. Амбивалентна и оценка антинаркотической политики в городе: примерно равны доли и тех, кто оценивает её как эффективную, оценивает положительно (439, 44±1,3%), и тех, кто воспринимает её как неудачную (369, 37±1,2%), затрудняется с ответом каждый пятый горожанин (194, 19±1,2%).

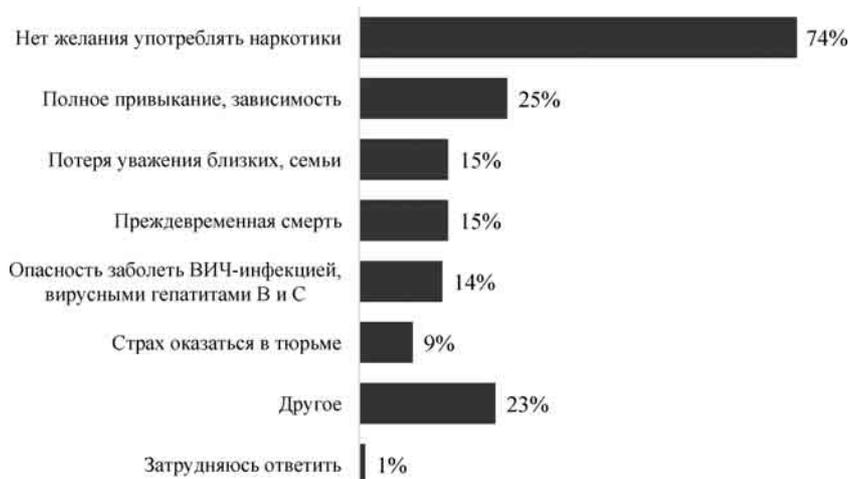

Рис. 3. Личные причины отказаться от употребления наркотиков (вопрос задавался только тем респондентам, которые отрицали факты потребления наркотиков, N=780). Сумма ответов превышает 100%, т. к. возможен выбор нескольких вариантов ответа.

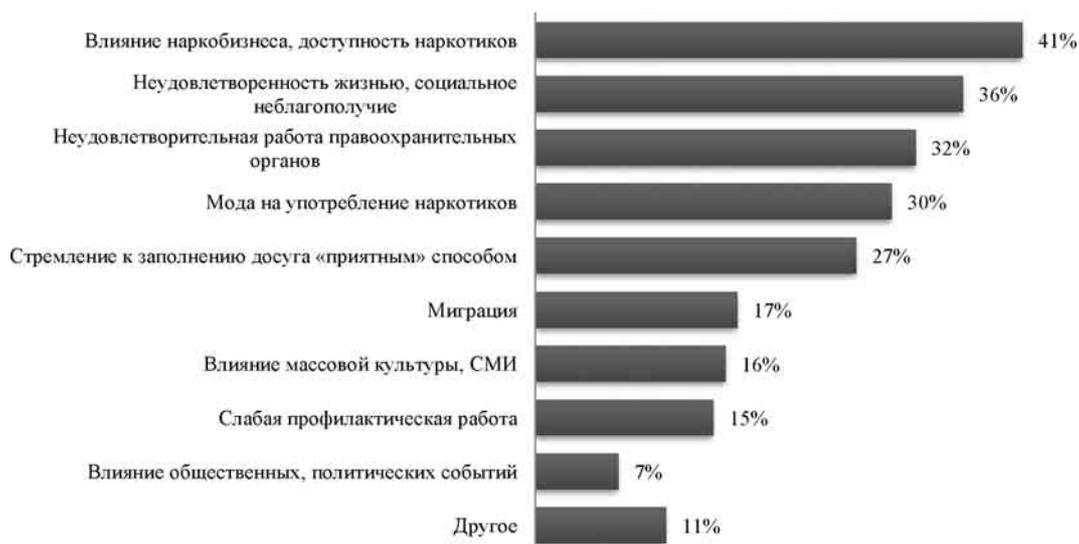

Рис. 4. Причины распространения употребления наркотиков в Москве. Сумма ответов превышает 100%, т. к. возможен выбор нескольких вариантов ответа, вариант «затрудняюсь ответить» исключён. Вопрос задавался всем респондентам (N= 1002).

Обсуждение

Основные элементы образа наркозависимого в массовом сознании включают ряд аспектов: «жесткое» восприятие наркомании, склонность к жестким реактивным мерам (что в совокупности с желанием изолировать употребляющих может рассматриваться как проявление страха); оценка наркомании скорее как субъективного выбора человека, а не макросоциальной проблемы; осуждение людей с наркоманией и желание дистанцироваться от них. Наркопотребители сильно стигматизированы, у москвичей доминирует идея их социального исключения без права возвращения к полноценной общественной жизни. Такие установки создают проблемы для реинтеграции бывших наркоманов в социум.

Менее стигматизирующие и гуманные установки в отношении наркозависимых разделяют молодые люди 18—34 лет ($p \leq 0,05$) и те, у кого есть опыт употребления наркотиков ($p \leq 0,05$). Более позитивное отношение молодёжи может быть связано в том числе и с личным опытом потребления и в целом с информированностью о теме наркотиков. Декларируемая форма гражданской ответственности в борьбе с наркоманией избирательна, её можно сформулировать как «сообщу о фактах торговли наркоти-

ками, но подумаю о необходимости пожаловаться на человека, который их потребляет». При этом молодёжь чаще других возрастных групп не готова проявлять гражданскую активность по факту обнаружения потребления (139, $59 \pm 3,2\%$, $p \leq 0,004$) и распространения (59, $25 \pm 2,8\%$, $p \leq 0,004$) наркотиков.

Применительно к употреблению наркотических средств необходимо подчеркнуть два важных обстоятельства. Во-первых, первый приём наркотиков часто связан с организованной досуговой деятельностью в коллективе друзей или коллег. Во-вторых, влияние окружения на вовлечение человека в приём наркотиков существенно более сильное в неформальной обстановке. $39 \pm 1,5\%$ москвичей, знакомых самостоятельно или по опыту своего окружения с проблемами с наркотиками, мы можем рассматривать как группу наркотического риска. При этом нельзя сказать, что всех «оставшихся» эта проблема обойдет стороной, т. к. наркомания является проблемой, которая «пронизывает» все слои общества. Также, как было отмечено в методологическом разделе, ряд респондентов могли скрыть при интервью свое непосредственное знакомство с данной сферой или же не считать это «проблемой» (респондентов спрашивали про «проблему потребления наркотиков»). В пользу последнего говорит значимо меньшее число тех, кто считает, что лично сталкивался с этой проблемой чем тех, кто говорил, что имел опыт потребления наркотиков когда-либо в жизни.

По данным нашего исследования, опыт употребления ПАВ более широко распространен в среде мужчин 18—49 лет, что в целом согласуется с другими работами [например, 4, с. 152; 5, с. 125]. В группе наркотического риска находятся представители трудоспособного и экономического активного населения, в особенности сотрудники частных компаний (117, $43 \pm 3\%$, $p \leq 0,001$). Поэтому можно согласиться с авторами ранее проведенного в столице исследования: «особую тревогу не может не вызывать

Оценка эффективности мер по борьбе с употреблением наркотиков (вопрос задавался всем респондентам, N=1002)

№	Вариант ответа	Средний балл
1	Легализация, законность «лёгких» наркотиков	2,1
2	Улучшение доступности досуговых заведений и мероприятий	3,7
3	Увеличение информации о вреде наркотиков для здоровья и жизни	3,8
4	Ужесточение наказаний за производство и распространение наркотиков	4,2
5	Введение наказания за употребление наркотиков	3,4
6	Увеличение специальных курсов / тем в школах по вопросам профилактики наркомании	3,7
7	Расширение тестирования школьников и студентов на употребление наркотиков	3,5

тот факт, что группой риска в этой ситуации оказываются не маргиналы, а вполне адаптированные, судя по образовательному цензу, жители столицы» [2, с. 48].

В обосновании респондентами причин употребления наркотиков в городе встречаются три логики.

Первая — «полицейская логика» (735, 73±1,5%), объединяющая варианты «влияние наркобизнеса, доступность наркотиков» и «неудовлетворительная работа правоохранительных органов». В обществе сформирован «образ врага» — наркобизнеса (наркоторговца), который существует в т. ч. по причине недостаточной, по мнению населения, работы правоохранительных органов.

Вторая — «социально-психологическая» (631, 63±1,5% ответов), включает варианты «неудовлетворённость жизнью, социальное неблагополучие» и «стремление к заполнению досуга „приятным образом“» (ответы, чаще упоминаемые молодыми людьми до 34 лет (111, 48±3,3%, $p \leq 0,05$ и 86, 37±3,2%, $p \leq 0,05$ соответственно)) и тем самым отражает ценности гедонизма. Данные варианты фиксируют наличие экзистенциальных проблем, выражающихся в бессмысленности жизни, «духовном вакууме», широком распространении аномии в среде москвичей. Не случайно употребление наркотиков коррелирует с безработицей и с распространением ВИЧ-инфекции [5], а также с высокими суицидальными рисками [6].

Третья логика — «влияние массовой культуры» (461, 46±1,3% ответов) — включает варианты «мода на употребление наркотиков», «влияние массовой культуры, СМИ».

В оценке мер по противодействию наркотизации также наиболее популярно «полицейское мышление»: ужесточение наказаний за употребление, производство и распространение наркотиков принимается на 4,2 балла из 5, вариант «введение наказания за употребление наркотиков» набрал 3,4 балла. На втором месте находится «просветительская логика»: на 3,7—3,8 балла оценивают перспективность информационно-политической среди населения и, в особенности, молодёжи по вопросу профилактики. Также стоит выделить традиционную мысль респондентов о недоступности досуговых мероприятий. При этом существует вопрос того, что конкретно понимается под ними: для значительной части молодёжи в число досуговых мероприятий вполне могут вписываться ночные клубы и бары — рискованные места в плане употребления наркотиков. Наконец, либерализация антинаркотического законодательства в аспекте разрешения употребления «лёгких» наркотиков большой популярностью не пользуется, массовое сознание достаточно консервативно в этом аспекте. Более высокую поддержку данной меры высказывают те, кто употреблял наркотики хотя бы раз в жизни (66, 32±2,5%, $p \leq 0,05$).

Выводы

Восприятие проблемы наркомании москвичами не во всем соответствует позиции Государственного

антинаркотического комитета (ГАК), в 2021 г. снизившего уровень опасности в Москве до «нейтрального». Как минимум, это говорит о несоответствии государственной и общественной позиций, причина которого может быть как в отсутствии экспертности населения в данном вопросе, так и отмеченной во введении неоднозначности официальной статистики. Стоит подчеркнуть, что данные о потреблении носят предварительный характер ввиду давления социальной желательности в рамках темы, а также отражают опыт потребления наркотиков в течении жизни, а не в текущий момент, что может не соответствовать актуальной ситуации. При этом и они могут стать дополнительным источником оценки распространённости различных наркотиков, в итоге можно «собрать» общую картину с использованием триангуляции, на основании данных МВД, опросов, медицинской статистики. В этой связи актуальным становится создание более точного мониторинга потребления наркотиков.

Также крайне важно сопоставить данные массовых опросов с экспертными мнениями специалистов, что и было сделано в дальнейшем в рамках исследования.

Нами получена оценка доли «группы наркотического риска» — граждан 18+, которые сами могут не употреблять наркотики, но в социальном окружении которых имеются лица, имеющие «проблемы» с наркотиками. Она составляет 39±1,5% и превышает число тех, кто просто пробовал когда-либо наркотики (21±1,3%). Основной риск здесь — влияние социального окружения. В целом, потребление наркотиков никак нельзя назвать нишевой проблемой, оно охватывает многие слои общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семёнова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н., Тарасов Н. А. Потери трудоспособного населения Москвы, обусловленные наркотиками: официальные уровни и реальные масштабы. *Здоровье мегаполиса*. 2020;(1,2):38—52. doi: 10.47619/2713—2617.zm.2020.v1i2;38—52.
2. Семёнова В. Г., Иванова А. Е., Зубко А. В., Сабгайда Т. П., Запороженко В. Г., Евдокушкина Г. Н., Гаврилова Н. С. Факторы риска роста смертности молодежи и особенности их учёта в Москве. *Здравоохранение Российской Федерации*. 2019;63(6):322—330. doi: 10.18821/0044-197X-2019-63-6-322-330.
3. Семёнова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н., Запороженко В. Г. Первый год пандемии: социальный отклик в контексте причин смерти. *Здравоохранение Российской Федерации*. 2022;66(2):93—100. doi: 10.47470/0044-197X-2022-66-2-93-100.
4. Белова Ю. Ю., Коротков П. А., Фадеева И. М. Факторы риска приобщения к наркотикам (на примере Республики Мордовия). *Социологические исследования*. 2022;(11):149—153. doi:10.31857/S013216250023037-3.
5. Бояркина С. И., Ходоренко Д. К. Социетальные детерминанты как факторы риска распространения ВИЧ-инфекции в регионах России. *Анализ риска здоровью*. 2021;(3):118—128. doi: 10.21668/health.risk/2021.3.11.
6. Зотов П. Б., Бохан Н. А., Хохлов М. С., Петров И. М., Скрябин Е. Г., Зотова О. П., Петров В. Г. Суицидальные действия наркозависимых: вопросы системного выявления и учёта. *Суицидология*. 2019;10.1(34):91—104.

REFERENCES

1. Semyonova V. G., Ivanova A. E., Sabgaida T. P., Evdokushkina G. N., Tarasov N. A. Drug-related losses of the working-age population

- of Moscow: official levels and real scale. *City HealthCare J. [Zdorov'e megapolisa]*. 2020;(1,2):38—52. (In Russian). doi: 10.47619/2713—2617.zm.2020.v1i2;38—52.
2. Semenova V. G., Ivanova A. E., Zubko A. V., Sabgayda T. P., Zaporozhchenko V. G., Evdokushkina G. N., Gavrilova N. S. Risk factors of youth mortality growth and peculiarities of their accounting in Moscow. *Zdravookhr Ross Fed. [Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii]*. 2019;63(6):322—330. (In Russian). doi: 10.18821/0044-197X-2019-63-6-322-330.
 3. Semyonova V. G., Ivanova A. E., Sabgayda T. P., Evdokushkina G. N., Zaporozhchenko V. G. The first year of the pandemic: social response in the context of causes of death. *Zdravookhr Ross Fed. [Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii]*. 2022;66(2):93—100. (In Russian). doi: 10.47470/0044-197X-2022-66-2-93-100.
 4. Belova Yu. Yu., Korotkov P. A., Fadeeva I. M. Risk Factors for Drug Addiction (the Case of Mordovia Republic). *Sotsiol Issled. [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2022;(11):149—153. (In Russian). doi:10.31857/S013216250023037-3.
 5. Boyarkina S. I., Khodorenko D. K. Societal determinants of HIV-infection spread in regions in the Russian Federation. *Health Risk Analysis. [Analiz riska zdorov'yu]*. 2021;(3):118—128. (In Russian). doi: 10.21668/health.risk/2021.3.11.
 6. Zotov P. B., Bokhan N. A., Khokhlov M. S., Petrov I. M., Skryabin E. G., Zotova O. P., Petrov V. G. Suicidal actions of drug addicts: questions of system identification and accounting. *Suicidology. [Suitsidologiya]*. 2019;10.1(34):91—104. (In Russian).

Вклад авторов: Концепт и план исследования: Богдан И. В., Потяева Т. А.; Анализ данных: Чистякова Д. П., Кузьменков В. А., Горносталев М. Д.; Написание текста: Кузьменков В. А., Богдан И. В., Горносталев М. Д.; Общая редакция: Богдан И. В.; Вычитка текста: все авторы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Concept and plan of the study: Bogdan I. V., Potyaeva T. A.; Data analysis: Chistyakova D. P., Kuzmenkov V. A., Gornostalev M. D.; Text: Kuzmenkov V. A., Bogdan I. V., Gornostalev M. D.; General editing: Bogdan I. V.; Text proofreading: all authors. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.
The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.